

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г36

Художественное оформление
Елены Окольциной

Гептинг, Кристина.
Г36 Сестренка / Кристина Гептинг. — Москва : Эксмо, 2019. — 192 с.

ISBN 978-5-04-105007-8

Десять лет назад жизнь Юли трагическим образом изменилась. Детство закончилось, наступили годы вранья и самоистязаний. «Сама виновата, с хорошими девочками не происходит плохих вещей, ты все придумала!» Но в этом году, собравшись вместе с родными за общим столом, Юля нашла в себе силы признаться, какой кошмар пережила дома у бабушки. Вот только поверят ли ее словам?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-105007-8

© Гептинг К., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Часть первая

Воздуха нет — я будто вжата лицом в подушку: врезаюсь то в одно, то в другое липкое тело. Шепчу «извините». А потом опять спотыкаюсь, и мой лоб бьется о чью-то спину.

Наконец я чуть ближе к цели. По крайней мере, уже видна тяжелая дверь — ее подпирает всем корпусом мощная охранница. Еще две женщины в черном настроены почти воинственно. Исподлобья оглядывают толпу, расставив ноги по ширине плеч, готовые, кажется, если что, превратить нас в фарш.

Ловлю себя на мысли, что мы на самом деле, должно быть, и есть фарш — однородная, липкая, неприятная масса. Как хочется уже отделиться, перестать быть частью очереди. Обрести собственные, неповторимые черты.

Вдруг кто-то падает в толпе, и по принципу домино валятся стоящие сзади. По очереди прокатывается нарастающий рокот. Наконец он выражается в чем-то гулком крике:

— Да пропустите вы уже болящую, в конце концов!..

И тут одна из охранниц срывается:

— Черт бы вас побрал! Сколько можно! Сил нет уже никаких с вами!..

Чувствую, как в толпе то тут, то там начинают взрывать гнойники негодования:

— Как можно так ругаться!.. Это же монастырь!

— Что же это такое?! А если батюшка услышит?..

— Просто неслыханно!

Впрочем, недовольные говорят почти шепотом. Те, кто здесь, как и я, не в первый раз, знают — лучше молчать, ибо велик риск вовсе не дойти до цели.

Я вижу кусочек лица сестры, о которой все так роптали. Серый, усталый, как сказала бы моя бабушка, прихорканный. Мне становится жалко и ее, и всех, и себя...

Попасть сегодня к отцу Науму мне просто необходимо. Я не прихватила с собой «подарок», как некоторые из ожидающих, и не могу расчистить себе путь локтями, но зайти за непроницаемую дубовую дверь обязана. И я верю, что Бог мне поможет.

...Усталость наполнила ноги свинцом, но, не смотря на это, я покидала Лавру абсолютно счаст-

ливой, легкой, юной. События сегодняшнего дня можно было сравнить с известием о поступлении в вуз — начиналась новая жизнь.

Старец Наум благословил меня уйти в монастырь.

* * *

Новый год я никогда не любила, а уж с тех пор, как пришла в церковь, и вовсе возненавидела. Резать в пост говяжий язык для оливье — то еще удовольствие, но избежать этого нельзя, как и запекания форели с розовой солью под лимоном, художественного выкладывания икры в тарталетки и тщательного потрошения граната для салата «Гранатовый браслет».

Муж ничто так не ценил, как изобилие еды в праздники.

Я каждый год пекла торт, рисуя кондитерским мешком часы, показывающие двенадцать. Дети всегда сильнее всего ждали новогоднего торта. В девяносто восьмом этот торт я приготовила на воде и одном яйце. Но они все равно были рады.

Это в детстве, а потом они словно бы впитали те невроз и агрессию, что держали нас с Костей вместе. И постепенно Новый год стали портить не только наши с мужем скандалы, неизбежные, когда он выпьет, но и их драки, ссоры и слезы.

Слезы — конечно, Юлькины. Юрка, если обижался (он называл это «Она меня довела!»), хлопал дверью и запирался один в комнате. Однажды он так и встретил праздник — в крошечной тьме десятиметровой детской. Я барабанила, барабанила в дверь — не открыл. Только музыку громче сделал.

В последний Новый год я этого, конечно, не вспомнила. И наши с Костей скандалы давно остались в прошлом. Воцерковившись, с чем я действительно смирилась, так это с тем, что муж меня никогда не примет. А значит, я просто помолчу, уткнувшись в книгу или вышивку.

В общем, я ожидала спокойного праздника. Вернее, его подобия: ну, какой же из светского праздника — праздник?..

— Очень вкусно, тетя Неля, — сказала Иришка, Юрина жена, обезглавив холмик оливье.

— Я же просила не называть меня так.

Она захлопала своими коровьими ресницами.

— Ну, тетя Неля, вы меня извините, вы почти пятьдесят лет были тетей Нелей, а сейчас, видите ли, стали Натальей, ну е-мое, это идиотизм какой-то! — возмутилась Иришка.

— Перестань, — резковато оборвал ее Юра. — Не лезь не в свое дело.

— Я уже ничему с этими православными не удивляюсь! Как начала в храм ходить, так и имя другое, и не жрет ничего! — пьяно выпалил Костя. — Ну ладно, каждый дробит, как он хочет, как говорится.

Я в ответ молчу — за годы брака убедила себя, что это лучшая реакция. Молчу и поймав очередной свирепый взгляд свекрови. Никогда ведь Анна Ивановна не приезжала к нам на зимние праздники, но тут внезапно решила, что в наступающем году непременно умрет, а значит, должна встретить его с родными.

Пауза повисает и над остальными собравшимися за столом.

«Такие красивые», — думаю я, глядя на своих детей.

Юра — широкие плечи, волевой подбородок, прическа волосок к волоску. Такой чопорный, аккуратный, собранный — вот в нем с ходу распознаешь военного. Не то что отец: даром что майор, а колени у брюк вечно пузырятся, щетина трехдневная...

Юля — такая, какой я не смогла стать: то ли смелости не хватило, то ли таланта. Она — тренер в фитнес-клубе. В свое время похудела на двадцать два килограмма. Это моя вина, что в подростковом возрасте я ее запустила, и она постепенно располнела до восьмидесяти килограммов. За несколько лет она преобразилась. Сама себя сделала.

Иришка — что Иришка? Выбор сына. Маленькая, тошенькая. Миловидная, но из тех, что не запоминаются, сколько ни смотри. Первое время после знакомства я чуть ли не каждую вторую в автобусе или магазине за Иришку принимала.

Но есть то, что меня в ней восхищает. Я никогда не видела, чтобы матери были настолько настроены на своего ребенка, поистине влюблены в него, но любовью зрячей и, можно даже сказать, осмысленной, хотя я уверена, что не было тут никакой мысли, было лишь доброе сердце.

Анечка тоже не спала этой ночью. Она сняла с лысой головки черный гипюровый бант и с увлечением жевала его под всеобщее умиление.

* * *

— Я хочу сказать тост! — произнесла вдруг Юля.

Мы с мужем и сыном невольно напряглись — никогда у нас в семье не говорили тостов, не поздравляли друг друга, а подарки дарили молча и неуклюже. Застольные разговоры — все больше перепалки или в лучшем случае вялые перешептывания о малозначащих дальних родственниках, а тут — тост.

А Иришка чуть ли в ладоши не хлопала:

— О, Юлька, тост, тост, давай! Это круто!

Юля встала, поправила платье и прическу.

— Я так счастлива сегодня быть здесь. Я так люблю возвращаться сюда, в родительский дом.

Костя хлопнул меня по плечу:

— Какую все-таки мы хорошую девочку воспитали! Благодарную! Не то что...

И — взгляд на Юру: они с отцом не могли поделить купленную в кредит машину.

— Я люблю возвращаться сюда, чтобы понять в очередной раз: как хорошо, что я здесь больше не живу, — продолжала Юля. — Что я не исполняю функции твоей, папа, дочери, твоей, Юра, сестры, твоей, бабушка, внучки. Мама, я люблю тебя, но я так рада, что не надо видеть тебя ежедневно. Да, я очень рада, что у нас с вами нет семейных чатиков в WhatsApp, что мы не постим в соцсетях общие фотки, что мы вообще вместе не фотографируемся. Я очень рада, что у меня, по сути, нет семьи. Потому что, когда она была, мне все время хотелось сдохнуть. И дело, папа, не в твоём пьянстве: у многих моих подружек отцы — алкоголики похлеще тебя. И не в твоём, мама, безволии: ты вечно казалась слишком уставшей, чтобы по-настоящему быть с нами, хоть и не работала. Ты была погружена в жизнь отца и собственные горести... Ну как, Юра, ты уже наложил в штаны? Знаешь, что я скажу следом?

— Я не понимаю, ты пьяная, что ли?! — заорал Юра.

Мы все молчали. Я подумала: хорошо, сейчас Юля вспомнит очередную детскую обиду. Недавно она начала общаться с каким-то психологом, и с тех пор у нее всегда есть в чем упрекнуть отца, брата и меня.

Заплакала Анечка, Иришка сунула ей грудь.

Юля напомнила мне каменную статую.

— Нет, я трезва. Именно сегодня трезва. А несколько лет действительно прошли будто в пьяном забытьи. После того как ты, Юра, меня изнасиловал. Мне было тринадцать лет. Летом, у бабушки. Да-да, бабушка, в той пристройке, в которой у Юры появилась наконец своя комната, о которой он так мечтал... Что ты головой мотаешь, ба?.. Не веришь? Ты же помнишь простынь в крови? Помнишь?

— Какую простынь? — зашамкала вставными челюстями Анна Ивановна. — Я вообще не понимаю, что ты говоришь-то такое?..

— Ты трясла передо мной кровавой простынькой, которую я плохо застирала! И мне пришлось сказать, что это месячные... Не помнишь, нет?

— Помню, — тихо и как-то мрачно согласилась свекровь.

И она так это сказала, что я поняла: Юля говорит правду.

Я подошла к дочери и, взяв за плечи, попыталась увести из-за стола, но она почти что ударила меня,

но не сдвинулась с места. Осталась той же статуей. Я же осознала вдруг, что совершаю тысячу мелких движений. Мыслей в голове не было ни одной.

— Почему же ты молчала? Столько лет, и молчать? — спросил Костя, закурив в форточку.

— Потому что это все чушь, это все неправда, она врет! Да она больная вообще! — снова заорал Юра, до смерти перепугав дочку и жену. — Собирайся, Ириш! Ни минуты я не проведу за одним столом с этой тварью. Все детство, всю юность мне отравила своими выкидонами, и теперь вот это...

— Юрочка, скажи, что это неправда, скажи, что это неправда, — шептала Иришка, бездумно натягивая на непослушное Анечкино тело розовые зимние одежки.

Дверь захлопнулась. Костя продолжал курить в форточку. Свекровь смотрела на идеальных счастливых людей из «Голубого огонька» невидящими глазами. Юля выпила бокал коньяка с колой и ушла не прощаясь.

Я стала убирать со стола.

* * *

Рас-пре-де-ле-ние. Обычное слово: родители познакомились на этом самом распределении и родили меня в свежестроенном городке, чихающем асбестовой пылью.